

О местечке Гель и святой Димфне

Кстати, именно разница в динамике процесса у острых пациентов и тех, кто уже годами пребывает в стенах больницы, наводит Эскироля на мысль о том, что для хроников неплохо бы создать иные условия содержания. Тем более, по слухам, опыт уже имеется — правда, не во Франции, а в маленькой бельгийской деревушке Гель, куда Жан-Этьен и направляется в 1821 году вместе со своим учеником Вуазеном.

История этой самой деревушки как известного в узких кругах приюта для сумасшедших связана (ну а как же иначе!) с одной старинной легендой. И началась она не в Бельгии, а на Изумрудном острове, в стране фейри, аж в VII веке.

Жил да был тогда король Дамон, что правил ирландским королевством Аргилла. И была у него дочь Димфна. И всё бы ничего, да сошлись в одну точку сразу несколько конфликтов.

Во-первых, батя был язычником, причём из упоротых, а мама — христианка, причём тоже из ярых. И окрестила она свою дочь вопреки воле отца, тайно. Да ещё и отправила дочурку учиться к святому отцу Герберну: мол, грамота и Закон Божий — наше новоирландское всё. И так Димфна прониклась верой, что решила принять обет целомудрия и стать невестой Христовой.

Во-вторых, жена Дамона в скором времени скончалась. И так горевал по ней Дамон, что подвинулся рассудком. Слуги уж и так, и сяк ему намекали — дескать, жениться вам надо, барин... извиняйте, ваше величество! А он всё искал себе такую, чтобы на жену покойную была похожа. И, на беду, нашёл. Дочь же! Отец Гербен в ужасе, королевский шут в ужасе, жена королевского шута в панике, дочь в шоке. Ведь кто королю-то слово поперёк скажет? Сейчас как начнёт жениться на родной дочери! В общем, пришлось срочно эмигрировать на континент, в Антверпен.

Там, в Европах, укрылась беглая четвёрка в брабантской деревушке Гель, близ часовни святого Мартина Турского. Жили да поживали; по слухам, Лилия Эйре, как Димфну назовут позже, даже принялась строить в той деревне странноприимный дом для больных и бедняков. Думали, что надёжно укрылись от отца, ан не вышло. Люди короля добрались и до тех мест. Нашли они беглецов, можно сказать, случайно: сидели как-то в деревенском трактире, ели-пили, а когда пришла пора рассчитаться за стол, дали трактирщику свою аргилльскую валюту. А тот не взял: мол, деньга-то не местная, не знаю, говорит, каков курс ваших тугриков к нашим. Король-то и насторожился: ага, мол, значит, эти деньги тебе знакомы, каналья! А ну говори, кто ещё с тобою ими расплачиваться пытался!

В итоге нашли беглецов. Отца Герберна Дамон сам казнить не стал, слугам приказал провести декапитацию: дескать, не нужны мне в королевстве волнения на религиозной почве, а оставить такой демарш без ответа я не имею права, король я или ... ну вы в курсе. После того Дамон повелел Димфне не перечить отцу, а возвращаться домой и готовить свадебный наряд. Ну та ему и выдала: мол, поздняк метаться, батя, меня тут уже за Христа сосватали. Сильно осерчал тогда король. До полного помутнения рассудка и страшного аффекта. Вот в том аффекте будучи, и снёс он дочери голову своим мечом. Случилось это аккуратно 15 мая (ныне день святой Димфны), вот только год потерялся где-то между 620 и 640. Потом-то Дамон прозрел, ужаснулся и бежал — но дело уже было сделано.

Димфну же и Герберна местные жители, отойдя от потрясения, похоронили в одной из тамошних пещер, а позже рядом с тем местом стали происходить чудеса — во всяком случае, так уверяли пейзаже, а за ними и паломники. Да чудеса особые: стоило посетить ту пещеру да побыть рядом с гробом Димфны эпилептику, одержимому или ино как в уме

повредившемуся — и наступало исцеление. Можно сказать, спонтанная чудотворная ремиссия.

Возвели на том месте в 1349 году церковь, где мощи святой Димфны покоились в золотой раке. В 1489 году церковь сгорела дотла, но в 1532 году на том же месте построили и освятили новую, и мощи — правда, уже в серебряной раке — продолжают покоиться всё там же.

То есть можно себе представить, что наплыв пациентов, жаждущих чудесного исцеления, имел место. На самом деле ещё как имел. Соответственно, многим приходилось ждать своей очереди днями и неделями. Опять же, после припадания к мощам тоже стоило повременить с отбытием: вдруг не помогло и требуется ещё сеанс? Тут-то жители Гель и поняли: вот оно, настоящее-то чудо! Пациентов можно по домам разбирать да селить, к работам привлекать, у кого денег не водится за постой заплатить! Стоит ли говорить, что дворов в той брабантской деревушке заметно прибавилось? По слухам, принимали больных как родных, да и оседали многие из них потом тут же, в деревне.

Позже, кстати, деревушка выросла в городок, появились в нём странноприимные дома, в которых в 1930 году проживало порядка 4000 пациентов. А святую Димфну и по сей день почитают как заступницу психически больных, жертв стресса и семейного насилия, покровительницу психиатров, нейрохирургов и психологов, а также конкретно городка Гель.

Но то потом, а в 1821 году, когда Эскироль решил отправиться и посмотреть на ту легенду собственными глазами, Гель ещё не обрёл статус города. Приехал и понял, что с рекламой психкурорта, мягко говоря, перестарались, ибо психически больной человек — что во Франции, что в Бельгии, что в далёких колониях — сумасшедшим и остаётся. И если начинает буйствовать, тут уже не до пасторали. Собственно, коренные жители Геля это давно поняли, просто, скажем, не сильно делали на этом акцент, расписывая чудеса и бонусы. Буйствует — на цепь негодника или привязать покрепче. Плохо себя ведёт — так у местных и коррекционных люлей выписать не заржавеет. Как писал потом Эскироль:

«Вступив на территорию Геля, мы с сокрушением сердечным увидели одного беспокойного маниака, который возбужденно метался около какой-то фермы, и ноги его у щиколоток были окровавлены от оков. В каждом доме здесь можно видеть железные кольца у печей и кроватей для прикрепления цепей».

Но сам принцип содержания хронически психически больных людей поближе к природе, да с включением их в нехитрый деревенский быт, Жан-Этьен всё же счёл рациональным.

Несмотря на разочарование от близкого знакомства с легендой, Эскироль видит и рациональное зерно в таком принципе содержания психически больных пациентов: нет той скученности, что предполагают стены больницы, есть больше возможностей проводить время на свежем воздухе, а главное — есть чем занять тех, кто способен хоть чем-то заняться. Ибо принцип «чем бы боец ни занимался — лишь бы испытывал перманентную посткоитальную астению» актуален во все времена и для всех социальных групп.